

**Санкт-Петербургская православная духовная академия**

*Архив журнала «Христианское чтение»*

## Очерк новейшей западной противомусульманской литературы

*Опубликовано:*

*Христианское чтение. 1875. № 8. С. 244-264.*

© Сканирование и создание электронного варианта:

Санкт-Петербургская православная духовная академия ([www.spbda.ru](http://www.spbda.ru)),  
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии  
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

*Издательство СПбПДА*

Санкт-Петербург

2010

## БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ

### НОВѢЙШЕЙ ЗАПАДНОЙ ПРОТИВО-МУСУЛЬМАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

- 1) Islam: its History, Character and Relation to Christianity. By John Mahleisen Arnold. Third Edition. London 1874. (Исламъ, его исторія, характеръ и отношеніе къ христіанству. Сочиненіе І. М. Арнольда. Лондонъ 1874).
- 2) Mohamed und Mohammedanism. By R. Bosworth Smith. London 1874. (Мохаммедъ и Мохаммеданство. Сочиненіе Р. Б. Смита. Лондонъ 1874).
- 3) L' Islam et son Fondateur. Par Jules-Carles Scholl. Paris. 1874. (Исламъ и его основатель. Сочиненіе Ж. К. Шолля. Парижъ 1874).
- 4) L' Islam d'apres le Coran, l'enseignement doctrinal et la pratique. Par Garein de Tassy. Paris 1874. (Исламъ и проч..... Сочиненіе Г. Тасси. Парижъ 1874).

Всѣ поименованныя сочиненія, явившіяся почти одновременно въ Англіи и во Франціи, трактуютъ почти объ одинихъ и тѣхъ же предметахъ: о происхожденіи мюхаммеданской религіи, о жизни и характерѣ ея основателя, о главныхъ моментахъ ея внутренняго развитія и внѣшняго распространенія до настоящаго времени. Всѣ имѣютъ въ виду представить подробную критическую оценку религиозно-правственнаго достоинства доктринальной и моральной стороны мусульманской религіи, и въ своихъ заключительныхъ трактатахъ отводятъ почти одинаково видное мѣсто вопросамъ о будущности мусульманства и о современныхъ задачахъ христіанской миссіонерской дѣятельности въ средѣ народовъ, исповѣдающихъ мюхаммеданскую религію. Не смотря однако же на

указанную однородность содержания, сочинения эти составлены, ио видимому, совершенно независимо одно от другого и показывают весьма существенное различие какъ въ основныхъ взглядахъ ихъ авторовъ на исламъ, такъ въ ихъ научныхъ приемахъ и въ самомъ методѣ изслѣдованія обсуждаемаго ими предмета.

Прежде всего бросается въ глаза довольно рѣзкое различие вообще въ сужденіяхъ англійскихъ и французскихъ авторовъ о происхожденіи и характерѣ ислама. Тогда какъ у французскихъ изслѣдователей преобладаетъ стремление вывести основные черты ученія мусульманства и особенности въ характерѣ его основателя изъ отличительныхъ, племенныхъ и национальныхъ особенностей мусульманскихъ народностей, вслѣдствіе чего въ ихъ трудахъ замѣчается мягкая, иногда даже до крайности индифферентизма доведенная, синхротильность при оценкѣ основныхъ принциповъ мусульманской религіи; въ англійскихъ сочиненіяхъ вынаруживается болѣе polemicheskoе отношение къ основнымъ тенденціямъ Корана, и помимо научныхъ цѣлей изслѣдованія, довольно ярко просвѣчиваются прозелитскія стремленія авторовъ къ распространению и утвержденію западно-европейской и ближайшимъ образомъ англійской цивилизациіи въ мусульманскихъ странахъ Востока. Едва ли можно отрицать, что прозелитскія стремленія въ отношеніи къ мусульманству въ послѣднюю пору больше и больше проникаютъ въ массу англійского общества. Стремленія эти такъ или иначе неизбѣжно должны отражаться и въ ученыхъ англійскихъ трудахъ, посвящаемыхъ изслѣдованию мусульманства. Послѣднія западно-европейскія события, ослабившія политическое влияніе Франціи на дѣла Востока, усилили англійское влияніе въ восточныхъ мусульманскихъ странахъ и вызываютъ въ настоящее время естественные заботы о поддержаніи и усиленіи этого влиянія, со стороны англійскихъ политиковъ, литераторовъ и ученыхъ, преданныхъ национальнымъ интересамъ своей страны. И если французские вышеизвѣщенные ученые обнаруживаютъ въ своихъ из-

слѣдованіяхъ объ исламѣ болѣе теоретическое отношеніе къ мусульманской доктринѣ, разсматривая и оцѣнивая ея отдаленное прошлое, настоящее и будущее независимо отъ ближайшихъ политическихъ видовъ своей страны, то отъ англійскихъ авторовъ пельзя ожидать такого незаинтересованнаго отношенія къ дѣлу въ виду вышеуказанныхъ основаній. Мекка—родина Магомета, колыбель мусульманскихъ преданій, и Медина съ гробищею лже-пророка, имѣющія такое же значеніе для мусульманъ, какъ Римъ для западно-европейцевъ, въ глазахъ англичанъ служить предметами отнюдь не одного только любознательнаго ученаго изслѣдованія, но и иѣкоторыхъ практическихъ домогательствъ. Англичане съ каждымъ днемъ все ближе и ближе подвигаются къ этимъ святынямъ исламизма. Средиземное море проложило имъ путь въ Египетъ, а Красное — въ Аравію. Вице-король египетскій все больше и больше теряетъ изъ виду Аравію и сосредоточиваетъ свои взоры на противоположной отъ нея сторонѣ, — па внутренней Африкѣ, открывающей полный просторъ его завоевательнымъ стремленіямъ. Уже въ настоящее время иѣкоторыми политиками высказывается мнѣніе, что вся Аравія со временемъ можетъ сдѣлаться добычей англичанъ. Завоеваніе англичанами Адена въ достаточной степени раскрыло истинный смыслъ восточной политики Англіи, стремящейся уже теперь поставить Аравію въ вассальную зависимость отъ себя. Чтобы сдѣлать изъ Адена неиступную укрѣпленную твердыню и торговую станцію для своихъ спонсій съ Индіею, Китаемъ и Австраліей, Англія не останавливается ни передъ чѣмъ. Благодаря укрѣпленіямъ Адена, она уже приобрѣла господство надъ Персидскимъ и Аравійскимъ заливами. Ея политика пытается теперь проникнуть въ самую внутренность Аравіи и завладѣть ея отдельными, разрозненными и враждебными другъ другу государствами. Изъ двухъ наиболѣе значительныхъ государствъ Аравіи—Іемена и Геджаса, первое находится подъ властію имама, который состоя въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Турціи и платя дань Сул-

тану, въ тоже время является преданнейшимъ и интимнейшимъ другомъ англичанъ. Геджасъ, равно какъ Мекка и Медина, хотя также числятся въ вассальной зависимости отъ Турціи, по эта зависимость ихъ существуетъ больше на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ. Чтобы поддерживать уваженіе къ своимъ помпальнымъ верховнымъ правамъ въ означенныхъ странахъ, Турція не располагаетъ достаточными къ тому средствами, не имѣя своего флота въ Красномъ морѣ. Безъ этого же она не въ силахъ охранять своей власти тамъ, где горы составляютъ почти непреодолимое препятствіе для передвиженія войскъ сухимъ путемъ. Въ дѣйствительности Порта уже утратила почти всякое влияніе на Аравію и *de facto* уступила въ ней свое място англичанамъ, очевидно желающимъ присвоить себѣ священные города мусульманъ. Поравь всякую зависимость этихъ городовъ отъ турецкаго правительства, британское правительство вмѣстѣ съ тѣмъ заручится надежнымъ средствомъ подчинить своему вліянію мусульманское населеніе Аравіи. Великія религіозныя расыри, издавна существовавшія между фанатическими племенами Аравіи съ одной стороны и турецкимъ исламизмомъ съ другой, въ значительной степени могутъ помочь англійской политикѣ въ достижениіи ея цѣлей. Но въ Англіи очень хорошо, по видимому, сознается та истина, что завоевывать души и сердца людей несравненно труднѣе, чѣмъ покорять ихъ государства. До тѣхъ поръ, пока исламъ будетъ одушевлять идеями своей религії, народы подчиненные ему, только внѣшнимъ образомъ могутъ стать въ вынужденную зависимость отъ своихъ завоевателей, но ни въ какомъ случаѣ не усвоить себѣ плодовъ европейской цивилизациі. Поэтому Англія параллельно усиленію своего политического вліянія въ мусульманскихъ странахъ, заботится больше и больше о религіозной пропагандѣ между мусульманами, о расширеніи миссионерской дѣятельности въ средѣ мусульманскихъ племенъ и о доставленіи своимъ миссионерамъ средствъ и гарантій къ болѣе свободному и безпрепятственному отправленію своей дѣятельности.

Доказательствомъ на это служить, между прочимъ, недавнее требование аудіенціи у турецкаго султана представителями англійскаго евангелическаго общества, желавшими лично заявить главѣ излама о религіозной истернности его правовѣрныхъ администраторовъ. Требование это, оставленное безъ удовлетворенія, какъ известно, надѣло въ началѣ текущаго года много шума и теперь еще горячо обсуждается въ полуофициальной печати Лондона и Стамбула. Большая часть пепротестантскихъ органовъ печати съ недовѣремъ относится къ провилитскимъ стремленіямъ англійскихъ протестантскихъ миссионеровъ, обвиняя ихъ въ искусственной и тенденціозной демонстраціи, направленной къ прикрытию корыстныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ Англіею въ ся восточной политикѣ. Безъ сомнѣнія, дѣйствіями англійскихъ евангелическихъ проповѣдниковъ руководить не одна христіанская любовь къ близкимъ и не одно желаніе озарить людей свѣтомъ христіанской истины, но и стремленіе къ распространенію политического вліянія Англіи въ мусульманскомъ мірѣ. Ревность по вѣрѣ, столь мало вообще свойственная западнымъ миссионерамъ безъ примѣса политическихъ видовъ, и въ данномъ случаѣ не чужда, конечно, значительной доли своеобразныхъ политическихъ разсчетовъ. Заявленіе этой ревности со стороны англійскихъ протестантовъ имѣеть нечто аналогичное съ появлениемъ въ англійской ученой литературѣ послѣдняго времени обширныхъ историко-полемическихъ и политico-философскихъ сочиненій, направленныхъ противъ мусульманства, которыя, по сознанію самихъ ихъ авторовъ, имѣютъ ближайшую цѣлью восполнить недостатокъ въ англійской литературѣ полныхъ обстоятельныхъ изслѣдований объ исламѣ и хорошихъ образцовъ противомусульманской полемики, необходимыхъ для миссионеровъ. Преобладание въ этихъ сочиненіяхъ пропагандистскаго элемента не оставляетъ мяста сомнѣнію, что они стоять въ связи съ общимъ направленіемъ восточной политики Англіи послѣдняго времени и имѣютъ въ виду удовлетворить современнымъ потребностямъ и запросамъ англійского духовенства и общества.

Первое изъ англійскихъ сочиненій, означенныхъ въ заглавіи нашего очерка, — занимающее 414 страницъ убористаго шрифта и распадающееся на 12 не одинаковыхъ по величинѣ главъ, — принадлежитъ перу известнаго англиканскаго богослова, хотя и не принадлежащаго къ тѣкъ называемой высокоперковной партіи, но тѣмъ не менѣе отличающагося строгостью ортодоксальныхъ протестантскихъ возрѣній. Прежними двумя изданіями этого сочиненія,—которыя, при существенномъ сходствѣ по своему содержанію съ настоящимъ третьимъ изданіемъ, являлись только подъ другимъ заглавіемъ<sup>1</sup>),—авторъ много способствовалъ возбужденію пропагандистскихъ стремленій въ средѣ своихъ отечественныхъ миссіонеровъ въ отношеніи къ мусульманству. По его инициативѣ основало въ Лондонѣ такъ называемое «Противомусульманское Миссіонерское Общество» («Moslem Mission Society»), почетнымъ секретаремъ которого онъ состоитъ въ настоящее время. Авторъ жилъ долгое время на Востокѣ и имѣлъ случай изучить тамъ исламъ путемъ собственныхъ наблюдений, независимо отъ книжного знакомства съ его исторіею и ученіемъ. При обнародованіи своего настоящаго сочиненія, авторъ,—по собственнымъ его словамъ, имѣть въ виду двоякую цѣль: во первыхъ познакомить своихъ соотечественниковъ съ исторіею, существомъ и характеромъ ислама, такъ какъ въ Англіи до послѣдняго времени очень мало сдѣлало въ этой области богословской литературы; во вторыхъ возвѣдить и поддержать въ англійскихъ миссіонерахъ ревность къ распространенію христіанства въ средѣ сыновъ Измаила (Предисловіе стр. VI). Здѣсь же авторъ упоминаетъ, что его книга уже въ первыхъ двухъ изданіяхъ сдѣлалась чѣмъ то въ родѣ руководства для большинства англійскихъ, американскихъ и голландскихъ миссіонеровъ и выражаетъ надежду, что «уже давно ожидаемое появление новаго изданія книги будетъ способствовать оживленію христіанской миссіонерской дѣятельности между мусульманами».

<sup>1</sup>) «Ishmael, or the Bible and Koran» (Измаиль, или Библія и Коранъ).

Весь доходъ отъ книги назначается авторомъ для поощрения и усиления этой деятельности.

При изслѣдовании первоначальной исторіи и происхождения ислама авторъ пользовался пособіемъ и советами ученыхъ профессоровъ богословскаго факультета кембриджскаго университета и особенно указаніями орієнтиста профессора Весткотта. Мы не намѣрены впрочемъ останавливаться слишкомъ долго на исторической части труда автора. Замѣтимъ только, что вопреки большинству англійскихъ ученыхъ, довольствующихся болѣею частію своею отечественною литературою при научныхъ изслѣдованіяхъ, авторъ выказываетъ довольно обширное знакомство съ иностранною и преимущественно цѣмѣцкою литературою по своему предмету. Многочисленные цитаты изъ разныхъ ученыхъ изслѣдований, не рѣдко даже приводимые только для украшения сочиненія и наполняющія почти четвертую часть книги, пространная выдержки изъ болѣе известныхъ трудовъ по исторіи ислама:— Шпренгера, Вейля, Мѣлера, Деллингера и многихъ другихъ авторовъ, показываютъ вообще довольно тщательное изученіе авторомъ старой и новой литературы своего предмета. Но не въ этомъ главное достоинство его труда. При всей заботливости овладѣть обширною литературою своего предмета, автору не удалось выполнить этой задачи съ полнымъ успѣхомъ. Многіе изъ новѣйшихъ ученыхъ изслѣдований по первоначальной исторіи ислама, имѣющихъ классическое значеніе въ области изученія мусульманства мало приняты авторомъ во вниманіе. Другое же, какъ напр. труды Кремера <sup>1)</sup>, Крэля <sup>2)</sup>, Штейнера <sup>3)</sup>, по видимому, совсѣмъ неизвѣстны автору. Сочиненія наиболѣе известныхъ новѣйшихъ путешественниковъ въ мусульманскихъ странахъ,—какъ напр. Буртона Рольфа, Пальграва, Вамбери, Мальцана и др.—также проштудированы авторомъ далеко не

<sup>1)</sup> «Ideen des Islam».

<sup>2)</sup> «Religion der vorislamischen Araben».

<sup>3)</sup> «Mutazilites».

сь такою обстоятельностью, какъ это требуется задачею его труда и его заглавіемъ. Нечего и говорить о томъ, что труды нашихъ отечественныхъ ученыхъ по изслѣдованію мусульманства, какъ напр. — почтенныхъ казанскихъ профессоровъ Н. И. Ильминскаго, Е. А. Малова и др., совершили неизвѣстны англійскому автору. Вслѣдствіе всего этого трудъ автора не можетъ, конечно, преступовать на цѣлостное и всестороннее обобщеніе послѣднихъ результатовъ научныхъ изысканій по изслѣдуемому предмету и въ исторической части своей не чуждъ значительныхъ пробѣловъ и недосмотровъ. Главное достоинство рассматриваемого сочиненія заключается въ довольно тонкомъ психологическомъ ападизѣ, который проходитъ чрезъ все изслѣдованіе автора и высказывается какъ въ обрисовкѣ характера Мохаммеда, его воззрѣній и постепеннаго развитія системы его ученія, такъ въ оригинальномъ сопоставленіи мѣстныхъ климатическихъ, географическихъ и этнографическихъ условій родины ислама съ типическими чертами его духовной физіономіи, такъ наконецъ въ самомъ очеркѣ исторіи ислама, — въ объясненіи причинъ его колосального расширенія и его постепеннаго саморазложенія.

Сужденіе автора объ исламѣ и его основателѣ — очень строго. Въ трактатѣ объ «эпохѣ и характерѣ Мохаммеда (стр. 30—77) авторъ придаетъ гораздо больше значенія древнимъ историческимъ свидѣтельствамъ о патологическомъ и болѣсоватомъ (эпилептическомъ) состояніи лжепророка, нежели сколько придается имъ въ нѣкоторыхъ другихъ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ, имѣющихъ въ виду больше или меныше идеализировать личность основателя ислама и возвести его на степень необычайного религіознаго гenія. Относительно нравственнаго характера Мохаммеда авторъ высказываетъ еще строже. Частію изъ древнихъ свидѣтельствъ, частію изъ самого Корана онъ извлекаетъ множество доказательствъ не только крайней, сумазбродной чувственности и сладострастія лжепророка, но и крайне фальшиваго, лицемѣрнаго и плутовскаго образа дѣйствій его, памѣренныхъ и хитрыхъ обмановъ,

къ которымъ онъ такъ часто прибѣгалъ, особенно въ послѣдніе годы своей общественной дѣятельности. На основаніи всего этого авторъ представляетъ лжепророка даже прямымъ «прототипомъ антихриста», религія котораго, при насильственномъ способѣ ея распространенія огнемъ и мечемъ, никогда не могла бы достигнуть морального господства надъ огромными массами человѣчества, поработить себѣ ихъ умы и затемнить ихъ религіознаго сознанія «безъ прямаго и непосредственнаго содѣйствія князя тмы» (стр. 71). Это сужденіе авторъ старается оправдать и запитить въ своихъ трактатахъ «о происхожденіи и ученіи Корана», «объ иска-  
жонныхъ заимствованіяхъ мусульманствомъ іудейскихъ и христіапскихъ истинъ», «объ исторіи распространенія ис-  
лама», «о его настоящемъ нравственномъ характерѣ», и «о вліяніи его въ средѣ темныхъ народовъ» (гл. III — VIII,  
стр. 78.—238). Еслибы авторъ ограничился изложеніемъ исто-  
ріи ислама, то его сочиненіе было бы на половину короче,  
и вместо 12 могло бы имѣть только семь главъ. Но онъ  
имѣть въ виду, какъ уже сказано выше, вместѣ съ исторіею,  
или точнѣе говоря подъ ея покровомъ, представить подроб-  
ное богословское опроверженіе мусульманскаго ученія. Глав-  
ною цѣлью автора было описать не одну исторію ислама, по  
скорѣе представить на основаніи ея наглядное доказательство  
интеллектуальной и моральной несостоительности ислама,  
вследствіе чего самое историческое изложеніе автора въ силь-  
ной степени оттѣнено полемическимъ характеромъ. Что ка-  
сается богословской полемики автора противъ ислама, то для  
той цѣли, для которой она главнымъ образомъ назначается  
авторомъ, т. е. для пособія и руководства миссионерамъ, въ  
нѣкоторыхъ отношеніяхъ она можетъ быть пригодна. Не-  
зависимо же отъ этой цѣли богословско-полемические приемы  
автора оставляютъ желать многаго съ научной точки зре-  
нія. Сухія полемическія разсужденія автора «о пепореждности  
ветхаго и новаго Завѣта», направленныя противъ возраженій  
мусульманскихъ теологовъ (гл. VIII и IX), отличаются нѣ-

сколько мелочнымъ и довольно виѣшнимъ характеромъ. Трактаты, въ которыхъ проводится параллель между Библіею и Кораномъ и между христіапскою и мусульманской религіозною системою (гл. X и XI) во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ плохія апологетической и полемической сочиненія противъ мусульманства западныхъ богослововъ XVI и XVII вѣковъ. Вообще нельзя не замѣтить, что авторъ слѣдуетъ большую частію въ своихъ критико-полемическихъ разсужденіяхъ старому схоластическому методу и часто впадаетъ въ казуистику, что, вирочемъ, отчасти можетъ быть объяснено самимъ свойствомъ мусульманскихъ выраженийъ противъ христіанства, вращающихся преимущественно въ области схоластики. Автору нельзя однокоже не отдать должной справедливости за весьма удачный и по многимъ отношеніямъ мастерской очеркъ заслугъ главнѣйшихъ древнихъ апологетовъ, защищавшихъ христіанство противъ нападеній мусульманъ. Въ этомъ очеркѣ, заканчивающемся собою полемическую часть труда автора (начало XII и послѣдней главы стр. 366 и далѣе), въ скромномъ видѣ представлены заслуги наиболѣе известныхъ противомусульманскихъ древнихъ апологетовъ, начиная съ Иоанна Дамаскина до трудовъ Генриха Мартина и другихъ ученыхъ западныхъ богослововъ и миссіонеровъ настоящаго столѣтія. Къ этому очерку примыкаютъ разсужденія автора касательно задачъ настоящаго и будущаго времени по отношенію къ христіапской миссіонерской дѣятельности въ средѣ мусульманскихъ илеменъ (стр. 383 и далѣе до конца книги).

«Первая и главная обязанность каждой церкви — и ближайшимъ образомъ англиканской,— по словамъ автора, состоитъ въ распространеніи христіанства въ средѣ мусульманъ. Одноко подвизающіяся на этомъ поприщѣ частныя миссіонерскія общества въ родѣ лондонского «Moslem Mission Society» и др. не достигаютъ и на половину своей цѣли. Теперь пришло время ввести домъ Измаила въ лоно христіанской церкви, и христіапская церкви, особенно же англиканская, должны употребить всю энергію на достижение этой цѣли. Вслѣдствіе

неподвижности мусульманского общества исламизмъ близится въ настоящее время къ концу. Какъ бы ни объясняли причины его паденія, слѣпою ли преданностью его послѣдователей ученію о фатализмѣ или вліянію европейской цивилизациі въ средѣ мусульманъ, во всякомъ случаѣ исламъ не имѣть въ настоящее время и сотовой доли того воспламеняющаго вліянія на массы, какое онъ имѣлъ въ началѣ своего распространенія. Дѣйствительною силою исламизмъ былъ только на первыхъ порахъ, когда могущество его заключалось въ фанатической преданности буквѣ Корана, недопускающаго никакихъ преобразовательныхъ стремленій. Вслѣдствіе принципіальной неподвижности мусульманство въ теченіи двѣнадцати вѣковъ не выработало ни одной преобразовательной идеи и, восторжествовавъ только силой меча, теперь постепенно подавляется христіанскою цивилизаціей». Для наибольшихъ успѣховъ миссіонерской дѣятельности между мусульманскими племенами авторъ рекомендує завести въ Англіи такъ называемыя «миссіонерскія братства» въ родѣ «Базельскаго Миссіонерскаго Общества», или древнихъ монастырей. Къ послѣднимъ авторъ высказываетъ необыкновенное сочувствіе, въ высшей степени замѣчательное по своему безпристрастію, особенно если приять во вниманіе то, что оно высказывается протестантскимъ писателемъ. «Я твердо стою,—говорить авторъ,—за слѣдующее положеніе: желательно и безусловно необходимо, чтобы у насъ въ Англіи былъ принятъ и нашолъ сочувствіе принципъ миссіонерскихъ братствъ (*the principle of Missionary Brotherhoods*). Будетъ ли этотъ принципъ заимствованъ отъ восточной православной церкви, или отъ римской, отъ моравскихъ ли братьевъ, или древне-британскихъ миссіонерскихъ монастырскихъ—бенедиктинскихъ и цистертийскихъ общинъ,—это для существа дѣла довольно безразлично. Для успѣховъ внутренней и внешней миссіонерской дѣятельности необходимо только то, чтобы братскія монастырскія общины сдѣлались необходимою составною частью нашей церковной жизни и устроены были соответственно нашимъ осо-

беннымъ пуждамъ, христіанской свободѣ и правиламъ христіанской мудрости. Я ни па одно мгновеніе не сомнѣваюсь— и надѣюсь никто не станетъ отрицать, что союзы или общины тѣхъ, которые по словамъ Спасителя «сдѣлали сами себя скопцами» для распространенія евангелія «о царствѣ небесномъ» (Мате. XIX, 12), суть истинно христіанскія учрежденія освященнія самимъ Иисусомъ Христомъ. Христосъ, освящая и благословляя эти учрежденія счоль нужнымъ присоединить только одно: «могій вмѣстити, да вмѣстить». Церковь, обладающая этими самоотверженными тружениками па поприщѣ сѣянія добра го сѣмені, располагаетъ лучшими силами внутренней духовно-нравственной жизни, которыхъ, какъ показали вѣка, не въ состояніи замѣнить никакія другія благотворительныя и миссіонерскія учрежденія» (стр. 404). Но авторъ сознаетъ, что одного введенія миссіонерскихъ братствъ и монастырскихъ общинъ со стороны англиканской церкви еще недостаточно для обращенія мусульманъ въ христіанство. Также христіанскія государства, по его мнѣнію, должны подать въ этомъ дѣлѣ свою руку помощи церкви. Для успѣшнаго противодѣйствія успѣхамъ мусульманства во внутренней Африкѣ, авторъ предлагаетъ,—ссылаясь на мнѣнія вѣкоторыхъ запамятыхъ европейскихъ путешественниковъ въ этой странѣ: Ливингстона и др.,—основаніе большихъ христіанскихъ колоній въ самомъ центрѣ этой части земного шара, которая находились бы подъ защитой всѣхъ европейскихъ цивилизованныхъ государствъ. «Чтобы Африку сдѣлать причастною благотворнымъ плодамъ христіанской цивилизациі, нужны, по словамъ автора, ни одни діаконы, священники и епископы, но выѣстѣ съ тѣмъ необходимы для успѣховъ миссіонерской дѣятельности благоустроенные и хорошо защищенные христіанскія колоніи, въ которыхъ были бы представители разнаго рода занятій и профессій» (стр. 408). Мысль автора, сама по себѣ, конечно, прекрасна и достойна полнаго одобренія. Но мы опасаемся, что автору не удастся одушевить своихъ земляковъ въ такой степени дѣломъ обращенія турокъ

въ христіанство, чтобы они приняли предлагаемый имъ проектъ и тѣмъ больше сомнѣваемся въ томъ, чтобы этотъ проектъ нашоль сочувствіе въ другихъ европейскихъ государствахъ, которыя ради услугъ Англіи рѣшились бы выселять колонистовъ во внутреннія глубины Африки, и пригомъ не изъ какихънибудь ненужныхъ членовъ общества, а изъ лучшихъ и интеллигентѣйшихъ людей, какъ этого желаетъ авторъ. Проектъ его въ значительной степени отзываются уточнѣю и не чуждъ увлеченія любимою авторомъ идею. Тоже слѣдуетъ сказать относительного мнѣнія о легкости обращенія изъ ислама въ христіанство огромныхъ массъ мусульманскихъ народностей при посредствѣ хорошо организованныхъ миссій. Мнѣніе это покрайней мѣрѣ на столько же подлежитъ сомнѣнію, какъ и надежда обратить подобнымъ путемъ массы евреевъ живущихъ въ христіанскихъ государствахъ. Мусульманскій міръ не обращается въ христіанство потому, что въ немъ недостаетъ пока тѣхъ предварительныхъ условій, которыя существовали въ древнемъ греко-римскомъ мірѣ, также у германскихъ и славянскихъ племенъ при обращеніи ихъ въ христіанство. Исламъ, какъ и существующа языческія религіи Востока, все больше и больше будетъ сжиматься и постепенно уничтожится изъ исторіи, подчинившись христіанской цивилизациі. На моментальное же обращеніе въ христіанство всего мусульманского населения Востока, съ помощью протестантскихъ англійскихъ миссій, врядъ ли можно надѣяться даже на основаніи того, что самъ авторъ говоритъ о его настоящемъ состояніи. Хотя авторъ предсказываетъ близкій конецъ исламу, но въ заключительныхъ строкахъ своего сочиненія онъ въ самыхъ яркихъ краскахъ изображаетъ картины отпаденія отъ христіанства въ исламъ въ отдаленныхъ частяхъ Востока и чрезвычайно сильной мусульманской пропаганды во внутренней Африкѣ. Картины эти такъ ярки, что, кажется, нуждаются даже въ смягченіи нѣкоторыхъ уже слишкомъ яркихъ, не совсѣмъ даже правдоподобныхъ красокъ. Опѣ очевидно нарисованы авторомъ съ тою цѣлью, чтобы подготовить свое заключительное воззваніе, об-

ращенное къ христіанскому человѣчеству, къ англійскому дворянству, высшему и низшему духовенству, приглашающее всѣхъ сыновъ Англіи къ самому энергическому содѣйствію дѣлу распространенія христіанства въ мусульманскомъ мірѣ. Тѣмъ не менѣе авторъ сообщаетъ при этомъ нѣсколько весьма интересныхъ фактовъ, показывающихъ, что съ помощью протестантизма, хотя бы облеченнаго въ оружіе средневѣковыхъ доспѣховъ,— монашескихъ орденовъ и «миссіонерскихъ братствъ», дѣло успѣшнаго распространенія христіанства въ средѣ мусульманскаго населенія Востока болѣе чѣмъ сомнительно. Авторъ выставляетъ, между прочимъ, па видъ нѣсколькихъ омусульманнвшихся англійскихъ иеровъ, которые, живя на Востокѣ, снабжаютъ, мусульманскихъ пилигримовъ, путешествующихъ въ Мекку обильными денежными средствами, чтобы выказать свою ложную вѣротерпимость и безразличіе въ дѣлахъ религії и цитируетъ множество англійскихъ раціоналистическихъ сочиненій новѣйшаго времени—Лекки и др., въ которыхъ высказываются сантиментальная разсужденія о культурномъ значеніи Ислама, о цѣлесообразности его нравственного кодекса для жителей восточныхъ странъ, о возвышенности его вѣроисповѣданія, отражающаго въ самомъ чистомъ видѣ идею монотеизма, объ отмѣппой простотѣ его обрядности и т. под. (стр. V, Введеніе). Все это показываетъ, что дѣло противомусульманской религіозной пропаганды, если въ послѣднее время и находить себѣ большое сочувствіе въ Англіи, то съ другой стороны оно сильно парализуется индифферентизмомъ, болѣе или менѣе внутреннимъ образомъ связаннымъ съ существомъ протестантизма и сводится большинствомъ англійскихъ «просвѣтителей ислама» на чисто политическую почву.

Эти политко-национальныя задачи Англіи по отношенію къ исламу обрисовываются съ болѣшею прямотою и откровенностью въ другомъ англійскомъ сочиненіи, означенномъ въ началѣ нашей статьи. Сочиненіе это составлено изъ публичныхъ лекцій, читанныхъ авторомъ въ февралѣ и марта 1874 г. въ Лондонѣ, и главнымъ образомъ основано на англійскихъ изслѣдованіяхъ объ исламѣ: Фремана, Неймана, Прича, Ва-

шингтона Ирвинга и другихъ. Обширный трудъ автора, стоявшій ему виродженію нѣсколькихъ лѣтъ серьезнаго изученія, излагается имъ въ довольно популярной формѣ. Нѣкоторыя главы этого труда были помѣщены въ формѣ отдельныхъ лекцій въ англійскомъ журналѣ «Guardian», въ которомъ находится и подробный отчетъ о всемъ труде (ноябрь 1874 г. стр. 1429 и далѣе). Кромѣ истории магометанства авторъ подробно знакомитъ читателей съ различными учрежденіями и обычаями мусульманскихъ народовъ. Характеризуя исламъ и Мухаммеда, онъ далеко уступаетъ предшествующему автору въ разоблаченіи темныхъ, слабыхъ и вредныхъ принциповъ мусульманской религіи и значительную, едва ли даже не большую, часть своего труда посвящаетъ характеристикѣ нынѣшняго состоянія ислама. Не вдаваясь съ такою подробностью въ теологическую полемику противъ мусульманства, какъ предшествующій авторъ, и не отводя для этой цѣли особыхъ главъ въ своемъ сочиненіи, авторъ старается разоблачить главнымъ образомъ вредныя соціальныя и политическія тенденціи мухаммеданства и вообще рассматриваетъ мухаммеданство больше съ историко-политической, соціальной и философской, чѣмъ съ религіозной точки зоря. Не входя въ оцѣнку основной мысли труда автора о политическомъ призваніи Англіи вытѣснить исламъ изъ исторіи силою своего цивилизующаго и гуманизирующаго вліянія, распространеніемъ своихъ парламентарныхъ учрежденій въ странахъ, подавленныхъ гнетомъ мусульманского политического деспотизма и насилия, не можемъ не замѣтить, что авторъ не особенно много говорить о призваніи англійскаго народа къ религіозно-миссіонерской дѣятельности въ мусульманскомъ мірѣ и по видимому не пытается даже полной увѣренности въ способности англиканского протестантизма къ энергической миссіонерской дѣятельности безъ энергической поддержки со стороны государственной власти. Онъ держится того мнѣнія, что безъ политическаго покоренія мусульманскихъ народовъ, безъ преобразованія политического и соціального строя ихъ жизни, распространеніе между ними

ными успѣхами и въ этихъ видахъ побуждаетъ великобританское правительство къ энергическому и неослабному преслѣдованию своихъ политическихъ цѣлей на Востокѣ.

Что касается изученія литературы предмета и вообще ученой эрудиціи, то въ этомъ отношеніи сочиненіе автора много уступаетъ сочиненію французскаго ученаго Шомля, означеному подъ № 3-мъ въ напечь очеркѣ и едвали не полнѣе всѣхъ другихъ обнимающему изслѣдованія новѣйшихъ западныхъ ученыхъ касательно ислама. Имъ не оставлены безъ вниманія даже тѣ изъ новѣйшихъ западныхъ изслѣдованій, которые имѣютъ второстепенное значение и косвенное отношеніе къ исламу, или касаются только частныхъ и отдѣльныхъ сторонъ жизни и ученія мусульманъ, какъ напр. труды Каррьера <sup>1)</sup>, Эте <sup>2)</sup>, Вольффа <sup>3)</sup>, Рольфа <sup>4)</sup> и др. По своему богословскому направлению авторъ принадлежитъ къ партіи реформатскихъ теологовъ. Общія нравственныя и соціально-политическая воззрѣнія его не свободны отъ нравственного ригоризма и примѣси детерминизма. Всякую войну,—будетъ ли то наступательная или оборонительная,—авторъ считаетъ безнравственнымъ дѣломъ (см. стр. 282). Онъ жалуется также на то, что новѣйшія цивилизованныя законодательства отмѣнили смертную казнь и тѣлесную наказанія. Но при всемъ этомъ сужденія автора обѣ исламъ отличаются мягкимъ характеромъ, что можетъ быть объясняется нѣкоторымъ средствомъ реформатской доктрины, которой держится авторъ, съ мусульманскимъ фатализмомъ (протестантскій детерминизмъ). Хотя авторъ не скрываетъ темныхъ пятенъ въ характерѣ Мухаммеда, напр. его сознательныхъ и намѣренныхъ обмановъ, его жестокостей и его въ высшей степени сладострастныхъ и сластолюбивыхъ наиловностей, самымъ грубымъ образомъ противорѣчащихъ нѣкоторымъ правиламъ собственнаго его законодательства, тѣмъ

<sup>1)</sup> «Искусство въ связи съ развитіемъ цивилизаций».

<sup>2)</sup> «Изученіе Востока».

<sup>3)</sup> «Магоммедакская эсхатология».

<sup>4)</sup> «Путешествіе въ Морокко».

не менѣе однakoжъ онъ не отказывается признать за Мохаммѣдомъ важныхъ историческихъ заслугъ. «Въ извѣстномъ смыслѣ и при извѣстныхъ ограничениxъ, говоритъ авторъ, въ лицѣ Мохаммѣда можно признать даже «посланника Божія» по причинѣ великихъ, хотя и односторонне понятыхъ имъ истинъ, которыя онъ проповѣдывалъ въ средѣ народовъ, преданныхъ самому грубому фетишизму и варварству. Его величіе и выдающееся изъ ряда обыкновенныхъ людей назначеніе окажутся неоспоримыми, если только сравнить его съ тѣми пройдохами и фиглярами, которые выступали въ Аравії въ качествѣ пророковъ до и послѣ Мохаммѣда. Съ цѣллю оправдать свой взглядъ на величіе меккскаго пророка и цивилизаторскую миссію религіознаго движенія, вышедшаго отъ него, авторъ по мѣстамъ дѣлаетъ слишкомъ много уступокъ въ пользу ислама и высказываетъ черезъ чурь много благосклонности въ своихъ сужденіяхъ о немъ, не принимая во вниманіе и не достаточно взвѣшивая тотъ глубокого безнравственныи характеръ народной жизни мусульманъ, о которомъ напр. съ столь сираведливою горечью говорить покойный Ливингстонъ въ своихъ послѣднихъ письмахъ, помѣщенныхъ въ «Newyork-Herald» за 1873 г. Можетъ быть то, что авторъ говоритъ въ похвалу строгой религіозности некоторыхъ отдѣльныхъ мусульманскихъ сектъ, не лишено извѣстной доли сираведливости, равно какъ и его приглашеніе европейскихъ ученыхъ къ болѣе беспристрастному изученію и болѣе сираведливой оцѣнкѣ ислама. Но все же фанатически-враждебное настроеніе ислама въ отношеніи къ иновѣрцамъ, въ высшей степени вредное и деморализующее вліяніе его религіозной и моральной доктрины, далеко не нравственныя черты въ характерѣ самого основателя ислама, въ общемъ цѣломъ, остаются неопровергнутыми фактами, которыхъ ничѣмъ нельзя оправдать. При томъ возврѣніи на исламъ, какого держится авторъ, врядъ ли можетъ, строго говоря, имѣть мѣсто энергическая христіанско-миссіонерская дѣятельность между мусульманами, о которой также довольно подробно распространяется авторъ. Хотя онъ не раздѣляетъ мнѣнія Шпрен-

гера о необходимости распространенія между мусульманскими народами критико-раціоналистическихъ школъ на подобіе нѣмецкой школы à la Baug, какъ самыхъ будто бы надежныхъ орудій къ подрыву мусульманского фанатизма, и указываетъ въ замѣпъ этого на необходимость ознакомленія мусульманъ съ евангельскимъ ученіемъ и съ истиннымъ смысломъ христіанского ученія; но едвали могло бы быть предпринято съ надлежащею энергіею проповѣданіе евангелія между мусульманами такими проповѣдниками, которые раздѣляютъ взглазы Шолля на мусульманство и его цивилизаторское значеніе. Единственно вѣрный способъ къ достижению успѣха въ миссіонерской дѣятельности состоить въ горячемъ одушевленіи за христіанскую истину и въ твердомъ убѣждениіи насательно ложности и вреда не-христіанскихъ доктринъ и учепій. Избѣгалъ фанатизма, который авторъ справедливо считаетъ не христіанскимъ направлениемъ, не слѣдуетъ однако же поддаваться идеализированнымъ теоріямъ объ исламѣ. Нужно смѣло смотрѣть въ лицо врагу христіанства и цивилизаціи и смѣло вступать съ нимъ въ бой за дѣло истины и за интересы культуры. Не раздѣляя основныхъ взглядовъ автора на исламъ, мы не можемъ однажде отказать труду французского ученаго въ нѣкоторыхъ весьма важныхъ научныхъ достоинствахъ. Опираясь на свою многостороннюю начитанность, равно какъ на непосредственное тщательное изученіе Корана по французскому переводу известнаго польского филолога Казимірскаго (Kazimirska. Paris. 1869 г.), авторъ съумѣлъ представить не только очень живой, яркій и характерный очеркъ исторіи происхожденія ислама, но также неповерхностный анализъ теологии Корана, равно какъ системъ ученія главнѣйшихъ мohammedанскихъ сектъ и партій, особенно суннитовъ и шіїтовъ вмѣстѣ съ ихъ наиболѣе известными подраздѣленіями и толками, известными подъ именемъ мутазилитовъ (свободомыслящихъ), суфитовъ (мистиковъ), Вагабитовъ, Бабитовъ и проч. Четырнадцать обширныхъ главъ его изслѣдованія, состоящаго изъ 463 страницъ написаны

чрезвычайно живо, легко и увлекательно. Нельзя не обратить также внимания на генеалогическую таблицу фамилии Мухаммеда, представленную авторомъ съ пѣкоторыми интересными подробностями, не встрѣчающимися въ трудахъ другихъ европейскихъ ученыхъ, хотя въ большей части приводимыхъ въ ней данныхъ не независимой отъ труда Шпренгера<sup>1)</sup>.

Сочиненіе другаго французскаго ученаго, явившееся въ прошломъ году подъ вышеназваннымъ заглавіемъ, въ оценкѣ религиозно-нравственного достоинства ислама въ существенномъ представляетъ много сходнаго съ предыдущимъ. Но чрезмѣрно-апологетическое, по мѣстамъ даже панегирическое, отношение къ меккскому лжепророку и къ его религіи, въ этомъ послѣднемъ сочиненіи выступаетъ гораздо рѣзче, чѣмъ въ предыдущемъ<sup>2)</sup>. Авторъ смотритъ на мухаммеданство «какъ на единственный примѣръ великой религіи, удерживающей полуварварскіе народы отъ идолопоклонства». Эта религія, по мнѣнію автора, господствуетъ большую частью между людьми, еще не вышедшиими изъ сумрака старой цивилизациі, но она тѣмъ не менѣе успѣла удержать своихъ придерженцевъ почти отъ всякихъ видовъ идолопоклонства. Этотъ феноменъ, составляющій главную славу махоммедакства и чрезвычайно замѣчательное доказательство гenia его основателя въ глазахъ автора, выставляется имъ на видъ даже какъ мнимое преимущество мусульманства передъ христіанствомъ, которое будто бы не абсолютно чуждо идололatriи и не устранило изъ народной набожности следовъ идолопоклонства. Но авторъ намѣренно или ненамѣренно игнорируетъ то стараніе, съ которымъ христіанская церковь всегда заботилась 'объ искорененіи суевѣрій, всегда стремилась помочь людямъ представить себѣ невидимое посредствомъ видимаго безъ малѣй-

<sup>1)</sup> Das Leben und die Lehre des Mohammed nach bisher grosstentheils unbenutzten Quellen bearbeitet. Berlin. 1869.

<sup>2)</sup> Подобнымъ же апологетически-панегирическимъ характеромъ въ отношении къ Исламу отличается изданное въ текущемъ году сочиненіе пештскаго профессора Г. Ванбери: Der Islam in neunzehn Jahrhundert. Leipzig. 1875.

шаго однакоже смѣшиенія и тѣмъ болѣе отождествленія того и другаго. Авторъ, какъ протестантъ и при томъ реформатскаго толка, естественно вооружается противъ христіанскаго обычая иконопочитанія и думаетъ, что мусульманство, не допускающее изображенія священныхъ предметовъ и поклоненія имъ, тѣмъ самымъ хочетъ сосредоточить религіозное чувство своихъ послѣдователей исключительно на одномъ чисто духовномъ элементѣ въ религіи. Но онъ забываетъ, что описанія Корана чувственныхъ наслажденій въ загробной жизни, наполненные самыми мелкими фантастическими подробностями и въ то же время чрезвычайно живыя, наглядныя и конкретныя, меныше всего разсчитаны на поддержаніе религіознаго чувства въ сферѣ чисто духовныхъ представлений. Напротивъ ни въ какой другой религіи давленіе на фантазію и чувственность не было такъ сильно, какъ въ мусульманствѣ. Мохаммедъ и его ученики, запрещая поклоненіе священнымъ изображеніямъ, примѣщали въ замѣнъ этого чувственныхъ страсти къ религіи, связали ихъ съ будущими наградами и сдѣлали изъ нихъ прощеніе къ религіозному фанатизму. Религіозныя предписанія Корана смѣшиваются съ самымъ сильнымъ возбужденіемъ тѣхъ именно чувственныхъ страстей, которыхъ всего сильнѣе действуютъ на фантазію и воображеніе неразвитыхъ племенъ, въ особенности въ тѣхъ странахъ, где утверждалось мохаммеданство. Можно ли во всемъ этомъ видѣть признаки «чисто духовной» религіи, чуждающейся вѣнчанаго и чувственного въ религіозной области? Чтобы удержать своихъ послѣдователей отъ поклоненія изображеніямъ, Мохаммедъ запретилъ дѣланіе этихъ изображеній яспными и настоящими повелѣніями. Но чрезъ это не была достигнута та цѣль, на которую указываетъ авторъ, т. е. предохраненіе мусульманъ отъ всѣхъ видовъ идолопоклонства. Идолопоклонство и притомъ въ самой грубой формѣ фетишизма вовсе не устранило чрезъ это изъ среды мусульманскихъ народовъ. Чествованіе чернаго камня (каабы) въ меккскомъ святилищѣ, обоготвореніе мнимаго гроба лжепророка—до сихъ поръ въ

обычай у мусульманъ, посѣщающихъ Мекку. Запрещеніемъ изображеній Мохаммедъ не предохранилъ своей религіи отъ идолопоклонства, а только сдѣлалъ ее вѣчнымъ врагомъ искусства. Невозможно сказать сколько потеряло искусство отъ этой вражды. Удивительные успѣхи, выказанные испанскими маврами въ архитектурѣ, которая была единственной формой искусства, для нихъ возможной, свидѣтельствуютъ, кажется, что они владѣли такимъ художественнымъ дарованіемъ, которое еще никѣмъ не было превзойдено. Но мohаммеданство подавило въ своихъ послѣдователяхъ эстетическое и художественное чувство, пожертвовавъ искусствомъ, и въ замѣнъ этого развило въ нихъ грубое влеченіе къ чувственнымъ наслажденіямъ. Вотъ на какую сторону дѣла къ сожалѣнію не обращаютъ вниманія новѣйшіе западные панегиристы мусульманства.

---



# САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

## *Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»*

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

**На сайте академии  
[www.spbda.ru](http://www.spbda.ru)**

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки